

бога... Алманашники, и звездочетцы, и вси зодейщики познали бога внешнею хитростию, и не яко бога почтоша и прославиша, но осуетишася своими умышлєнными... Платон и Пифагор, Аристотель и Диоген, Иппократ и Галин— вси сии мудри быша и во ад угодиша... взимахуся... выше облак,— слово в слово, яко и сатана древле. Сего ради отверже их бог: благоизволил буйством апостольским спасти хотящих наследовати спасение...¹

Доказывая боярыне Ф. П. Морозовой равенство всех людей перед богом, Аввакум приводил те же доводы, что и Вишенский: „Али ты нас тем лутчи, что боярыня? Да одинако нам бог распростре небо, еще же луна и солнце всем сияет равно, такожде земля, и воды, и вся прозябающая по повелению владычню служат тебе не болши и мене не менши“.²

„В нынєшнее настоящее, огнепальное, время со исповеданием и со прощением, друг ко другу, тела и крови причащайтесь“, — писал Аввакум в Москву „всем горемыкам“; перспектива остаться „без попов“ не смущала Аввакума, как не пугала она и Вишенского: „аще нужда привлечет“, лучше, по мнению Аввакума, „исповедатися искусному простолудину, нежели невежди попу, паче же и еретику“.³

Вишенский полагал, что есть только один путь „спасения“: безоговорочный отказ от всех радостей и утех жизни, бегство из этого мира зла и несправедливости; того же мнения держались и Аввакум и другие расколоучители. „Един бысть православный царь на земли, — писал инок Авраамий „христолюбцу некоему“, — и того, не внимающего себе, увы, западнии еретицы, яко облацы темнии нашедше, угасили христианское солнце российское, и свели во тьму многия прелести, и погрузили до конца, да не возникнет на истинный свой первый свет правды. О, горе бысть сие, возлюбленнии! Не явно ли антихристова личина показывает свою прелесть? Да внимаем себе, сиречь отвсюду обзираем и с нечестивыми не мешаем себе, путь бо нечестивых погибнет, — и развращеннаго их учения не послушаем, да не осудимся вечно от Христа и святых его со отступниками и еретики, — но бегаем от них и скроем главу свою Христа, да не разлучимся с ним во веки веком...“.⁴

2

Не меньший интерес со стороны русских читателей XVII века вызвала к себе и другая распространенная отрасль украинской литературы конца XVI—начала XVII века — виршевая поэзия.

С образцами ее систематически знакомила русского читателя украинская печатная книга. Как известно, уже с 1581 года (см. острожскую Библию) на Украине утвердился обычай украшать книгу — в начале, а иногда и в конце — разного рода стихотворными посвящениями, приветствиями, предисловиями и пр.⁵ Есть основание думать, что этот стихотворный орнамент книг „литовской“ печати и явился в начале XVII века одним из проводников стихотворной культуры в Московской Руси. Показательно, что характер именно такого стихотвор-

¹ Там же, стр. 287—290.

² Там же, стр. 917; ср. стр. 402.

³ Там же, стр. 421; ср. стр. 831, 939.

⁴ Я. Барсков. Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912, стр. 162.

⁵ См.: Хв. Тітов. Матеріали для історії книжної справи на Україні в XVI—XVIII вв. Київ, 1924, стр. 85, 94, 103, 133—134 и сл.